

Юрий Елисеев

**Большая
рыба**

16+

Юрий Елисеев
Большая рыба

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Елисеев Ю. П.

Большая рыба / Ю. П. Елисеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Рассказ о мечте, которая не обязательно сбывается, но даёт надежду и силу жить. Рассказ об отце и сыне и уроках нравственности.

В один из дней октября отец взял меня с собой на рыбалку. Старый «Пазик», в котором мы добирались до места, натужно ревел, оставляя за собой облака пыли и смрад выхлопов. Я смотрел в запylённое окно ещё не совсем проснувшийся и, может поэтому, в предрассветной мути привиделась мне огромная, обросшая густой коричневой тиной рыба, точь-в-точь такая же, что снилась накануне ночью. Она была настолько реальна, что я невольно отпрянул от окна и вскрикнул...

Отец озадаченно посмотрел на меня, затем скорчил ободряющую гримасу. Это успокоило меня. Я откинулся на облезлую дермантиновую спинку кресла и предался своим фантазиям. Рыба занимала занимала моё воображение, представлялась огромной тварью, частью своей похожей на кровожадную акулу из учебника по биологии, а другой на гигантского карася с выпученными, налитыми кровью глазами. Она была тяжела, она была скользкая из-за слизи...

– Ты свой талисман взял? – вопрос отца вернул меня в облезлое кресло.

– Взял. – Я нашупал в кармане гребень, найденный в саду прошлой осенью.

В нашем кавказском дворе можно было отыскать всё что угодно: часть старинной сабли, ржавый клинок, когда то бывший кинжалом, древние пуговицы и русские монеты и многое другое. Отец тогда долго смотрел на бронзовый гребень с изображением бегущей собаки, перебирая в памяти все мало-мальски значимые находки когда-либо вытасченные из земли нашего города, но ничего похожего не вспомнил, поэтому сделал заключение, что вещь эта очень редкая, уникальная и быть ей моим талисманом. Справедливости ради, надо сказать, что сначала он забрал гребень для того чтобы показать его знающим людям – Длинному Ашоту, который каждую неделю ездил мимо нашего дома на телеге доверху гружённой старой рухлядью и пользовавшийся непререкаемым авторитетом в вопросах старины, а также греку Панайтиди, жившему на нашей улице и делавшему железные кровати с бронзовыми набалдашниками. Когда грек не проявил заинтересованности, а старьёвщик Ашот предложил за гребень смехотворную для делового человека цену, вещь вернулась ко мне. В дальнейшем она, насколько я помню, всегда находилась при мне и была утеряна через много лет. Моя находка, видимо, стала причиной дальнейших событий, которые начались следующей весной. Не слушая увещевания и мольбы матери, отец перекопал все грядки, заготовленные с осени под помидоры и зелень. Не обнаружив ничего стоящего, он не успокоился, и где-то, раздобыв рулон бумаги, карандаши, линейку, неделю что-то чертил с заговорщическим видом. Мать с тревогой наблюдала за ним какое-то время. Затем, видимо решив, что опасность миновала, засадила грядки заново, но ошиблась – в следующие два дня по огороду опять прошёл ураган. Мать поплакала над загубленной рассадой, проклиная тот день когда вышла замуж, но инстинкт подсказал ей сажать снова. Отец отступил, но пообещал вернуться к раскопкам осенью, когда соберут урожай. К тому времени он рассчитывал подговорить соседей к совместным поискам древнего городища, якобы расположенного на территории нескольких кварталов этой части города. Он даже успел заразить этой идеей несколько соседских семей, но к сожалению не учёл менталитета местного населения – дело в том, что все происходило в бывшей казачьей станице, где люди, в основе своей, были неповоротливы в мыслях и жили скорее догмами чем эмоциями; поэтому когда его побили, то сделали это не из злобы, а потому что так было надо.

Это было частью жизни

В девять месяцев, как утверждает моя мать, я начал бегать. Убегал далеко и вылавливали меня по разным дворам и садам. Часто, совершенно незнакомые люди, приводили меня с улиц, расположенных в соседних кварталах, и однажды я был доставлен из другого района. Мать, которая крутилась на двух работах, бессильно опускала руки – я был без надзора. Отец, полностью поглощенный очередным проектом, не обращал внимания на жалобы жены, на меня и на брата. Запершись в сарае, он создавал удивительные произведения искусства. Это были гипсовые раскрашенные петухи и кошки, которые должны были служить состоятельным людям в

качестве копилки. Отец надеялся и сам стать в скором времени богатым и известным, а пока терпеливо закупал гипс и краску, выставляя на полку к старым петухам новых кошек. К двум годам я окреп настолько, что стал опасен для окружающих. Судя по тому что я вытворял всё было именно так. Взять хотя бы случай с соседскими собаками. Я решил выпустить их на волю – пять собачек: три из них кавказские овчарки, две простые волкодавы, выскочили с радостным воем на улицу и до смерти перепугали комиссию районной управы, которая именно в этот день, впервые за двадцать лет, решила проверить наши дороги, вернее наличие асфальта на них, ещё вернее – его отсутствие. Комиссии повезло: обнюхав членов комиссии и повалив двух случайных тёток, собачки взялись за главное – всё что накопилось за время, проведённое на цепи, вся антипатия, собравшаяся словно желчь в собачьих печенках, вылилась сейчас на оппонентов долгих перебранок, невидимых за заборами и поэтому особенно желанных. Во мгновение ока всё превратилось в рычащий, визжащий, истошно воющий клубок лохматых тел, крутящихся в пыли и кусках шерсти. Неизвестно чем бы это закончилось, не появившись вовремя хозяева собак с вёдрами и цепями. Собак развели по домам, а меня к огромному «тутовнику», который рос посреди нашего двора, где я и был привязан к веревке, достаточно длинной для того чтобы несколько раз обойти вокруг дерева. Лето я проводил под шелковицей, а зиму, весну и осень меня закрывали дома. Иногда, что случалось крайне редко, меня опекала бабка Ульяна, мать отца. Она не любила меня, потому что не любила мою мать, и всех женщин «не их казацкой породы». Бабка Уля часами сидела на лавочке у двора, лузгала семечки, бессмысленно глядя перед собой в пространство улицы. Изредка она поднимала свой массивный зад и, ковыляя как утка, возвращалась во двор, проходила мимо меня, ступая по кровавым ягодам, которые усеивали землю под деревом, заходила на кухню, а потом далее, к отхожему месту, в глубине двора. Временами она отвязывала меня и я носился как молодой барашек по двору а потом пробирался в сад, где можно было затаиться под огромными помидорами, и наблюдать за передвижением шустрых муравьев. Сад был тенист и влажен. Абрикосовые деревья росли рядом с айвой и черешней, по над забором вился виноград, а в свободных от деревьев местах выстроились грядки со всевозможными овощами – все это, не считая простых яблонь и старой груши, составляло гордость крестьянской души моей матери и постоянно пестовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.